

Наталья Владимировна Федорова

Омский государственный педагогический университет, кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и педагогической психологии, Омск, Россия
e-mail: tashafed@mail.ru

Норма и ненормальное в ставшей культуре

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации нормы и ненормального, происходившая в период ставшей культуры. Норма и ненормальное меняются в соответствии с изменениями, происходящими в обществе, в котором очевидно стремление к равновесию и спокойствию. Большую часть представлений о норме формируют обыватели и конформисты. Соответствующими характеристиками наполняются норма и ненормальное.

Ключевые слова: норма, ненормальное, спокойствие, конформизм, выгода.

Natalya V. Fedorova

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General and Educational Psychology, Omsk, Russia
e-mail: tashafed@mail.ru

Norm and Abnormal in the Established Culture

Abstract. The article examines the problem of transformation of the norm and the abnormal that occurred during the period of established culture. The norm and the abnormal change in accordance with the changes occurring in society, in which the desire for balance and calm is obvious. Most of the ideas about the norm are formed by ordinary people and conformists. The norm and the abnormal are filled with the corresponding characteristics.

Keywords: norm, abnormal, calm, conformism, benefit.

Введение (Introduction)

В философии сосуществуют различные концепции циклического развития культуры, например концепции О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, К. Ясперса, М. С. Кагана и др. Если признавать оригинальность каждой, следует указать, что схожими являются выделенные циклы. Их сходство заключается не в названиях, а в смысловом содержании — начало развития культуры, стадия роста, высшая фаза, упадок. В исследовании будет рассматриваться проблематика нормы и ненормального в одном из этих циклов.

Методы (Methods)

Основными методами исследования философского аспекта изменения нормы и ненормального в период ставшей культуры стали диалектический метод, принцип всеобщей связи и развития, позволяющие раскрыть различные аспекты нормы и ненормального. Также использовался герменевтический метод, служащий цели разрешения затруднений в фиксации понимания нормы и ненормального, которые получили множественные интерпретации.

Литературный обзор (Literature Review)

Все авторы указывают на начало (или становление) и окончание (или упадок), на наш взгляд, представляется особенно интересным период, который описывают как ставшую культуру, т. е. достигшую высшей точки своего развития. Он наступает за периодом активного становления культуры, когда героических личностей становится меньше или они меняют направленность своей деятельности. Большинство героев прошлого сложили головы в борьбе за ту или иную идею, единицы дожили до преклонных лет. Общество приняло тот или иной облик, законы сформированы, капитал накоплен и распределен.

Этот период часто характеризуют как время спокойно-го процветания и стабильности, так как период накопления не прошел даром. Он позволил расширить территориальные границы, накопить материальные ценности, что становится основой для спокойной и сытой жизни следующих поколений. Однако Л. Н. Гумилев считает, что правильнее было бы его называть периодом «разбазаривания», так как в указанный период на смену пассионариям приходят люди рационального склада. Эти эгоисты не помнят побед своих предшественников, и многие героические личности

© Федорова Н. В., 2024

Для цитирования: Федорова Н. В. Норма и ненормальное в ставшей культуре // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (45). С. 58–63. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-45-58-63

в их понимании становятся людьми непонятными, неудобными, неуживчивыми, ненормальными, которые не живут сами и мешают жить окружающим. Эти люди так же, как и их предшественники, умны и активны, у них тоже есть идея и цель, но они занимаются в большей степени собой или своим узким (ближним) кругом, а не проблемами мира, общества или государства. Их ум и активность используются для достижения личных целей, личной выгоды. Они также способны на поступок, но только в том случае, если он принесет им власть, высокое положение, для них важно только настоящее и их место в этом настоящем. Они хотят жить здесь и сейчас и только для себя. Будущее их не интересует, равно как и то, как их деяния отразятся на будущем, потому как в этом будущем их нет [1]. Они аисторичны, поскольку не хотят знать своего прошлого и не заботятся о будущем.

К людям подобного склада можно отнести и тех гедонистов, которые хотят жить хорошо и весело, приятно проживая данную им жизнь, которая только одна, а потому ее и надо прожить так, чтобы было что вспомнить. Пусть эта жизнь будет короткой, главное — она должна быть яркой. Чтобы каждый день как праздник. Каждый день как последний. И так всю жизнь. Растрачиваются состояния, нажитые их предками. Их дети и внуки лишаются наследства, титула и часто доброго имени.

По-своему похожей является и жизнь тех, кого принято называть обывателями. Их все устраивает. Они сыты и довольны, им претит мысль о переменах, они всегда выбирают сохранение порядка и стабильность. Они не позволяют кардинально менять устои общества, так как изменения — это всегда неизвестность. Все должно оставаться так, как есть, даже если реальность и нуждается в переменах, они предпочитают стабильность.

Для всех описанных выше характерна, согласно О. Шпенглеру, лягушачья перспектива [2, с. 477], нормой они признают то, что выгодно им, и ненормальным то, что невыгодно. Таким образом, понимание нормы и ненормального в данный период развития культуры меняется кардинально, по сравнению с предшествующим периодом становления культуры.

Норма актуализируется тем или иным образом, так как представление о ней было уже сформировано на предыдущем этапе. Процесс ее формирования острый и разрушающий, и «новых» людей не привлекает перспектива борьбы, поэтому большинство принимает ее такой. Вносятся лишь небольшие поправки к закону, делаются допущения в традициях и нравах, моде, критериях искусства, но эти изменения незначительны. То, что было принято в предыдущий период как норма, является основой жизни, и все нарушения ненормальны.

В данном контексте следует упомянуть о необходимости постоянного возврата к однажды определенной норме, принятой в китайской философии. Как и в философии Аристотеля, осознанный выбор, в пользу нормы сделанный ранее, следует поддерживать и сохранять. Нормальные поступки и поведение человека в целом должны стать образом его жизни. Тем более что в философии стоиков и раннем христианстве провозглашается природная предрасполо-

женность человека к норме. Вся жизнь оказывается строго регламентированной нормой, которую необходимо поддерживать, а ее соблюдение контролировать. Появляются традиции, которые поддерживаются церковью. В Средние века необходимость регламентации жизни в рамках нормы приписывается воле Бога, что удачным образом совпадает с волей отцов церкви и представителей власти.

Возможно, это объясняется тем, что люди периода ставшей культуры события предыдущего периода рассматривают как беззаконие, которое разрушает жизнь человека, и их желание спокойной жизни возводит норму в принцип, она становится первоосновой жизни человека даже в том случае, если она несовершенна. Люди периода ставшей культуры делают выбор в пользу несовершенной нормы, выбирая между ней и ее отсутствием. Нельзя осуждать такой выбор человека хотя бы потому, что он искренен.

Среди людей, сделавших такой выбор, также присутствуют те, кто способен на поступок, однако природное берет верх над социальным, и поступок совершается по иным причинам, с иной целью. Если подвиг, то для собственной славы, что свойственно многим полководцам; если риск, то ради собственной прибыли, как у игрока на бирже; если удовольствие и радости жизни, то для себя и своих близких, как у прожигателей жизни. Совершенно неважно, как это отразится на обществе сейчас или на будущих поколениях. Так разрушается экология и расходуются природные ресурсы — на наш век хватит. Так попираются интересы другого человека — человек человеку враг. Так ведут себя дезертиры, покидая поле боя и оставляя своих товарищей по оружию умирать, защищая интересы общества, и уклонисты, сохраняя не только свою жизнь, но и свое имущество любыми доступными им способами.

В такой позиции можно даже найти положительные моменты. Если в обществе все люди будут счастливы и довольны жизнью, то и все общество будет таковым. Однако такие гуманистические взгляды чаще всего являются утопией и если не приводят к разрушению культуры, то, в определенном смысле, останавливают ее развитие.

Кроме того, вся деятельность человека данного периода рационализируется. Никто уже не рискует жизнью ради идеи, риск возможен только ради прибыли, получения преференций, славы. Нельзя сказать, что среди людей нет героев своего времени, они есть, но это герои с рациональным подходом. Какое время, такие и герои. Норма и ненормальное становятся рациональными. Нормально то, что приносит спокойствие, удовольствие, выгоду, славу, почести. Ненормально то, что альтруистично, угрожает стабильности, благосостоянию, жизни.

Воевать, рисковать жизнью ради идеи уже неактуально. Поэтому герои предыдущего периода если не забываются, то представляются вовсе не героями, а скорее чудаками, донкихотами, воюющими с ветряными мельницами. Зачем воевать там, где можно договориться, зачем рисковать жизнью там, где можно откупиться, зачем изменять законы там, где можно воспользоваться их несовершенством?

В то же время такой рациональный подход помогает избежать больших разрушений и жертв. Поэтому в данный период культурогенеза войны случаются не так часто,

являясь скорее исключением, чем правилом. Причиной войны не может стать идея, будь то идея мирового господства или иная подобная ей. Но причиной может стать жажда личной наживы. Так, в поздние периоды Римской империи участие в войне стало потребностью воина, который в результате обогащался, получал землю, статус и власть, а не государства, которое расширяло границы и позиционировалось великой империей. В некоторых случаях рационализм становился причиной отказа от войны и принятия власти победителя, отказа от собственной государственности, нации, языка. Т. Гоббс, в свою очередь, утверждал, что естественный закон совпадает с моральным, основывается на разуме и ограничивает, сдерживает страсти [3].

Отчасти поэтому норма и ненормальное становятся постоянными, стабильными и четко определенными. Глобальные перемены никому не нужны. Все уже адаптировалось к имеющимся порядкам, и менять их не возникает желания. Человек уже научился жить в рамках тех норм, которые приняты, научился нарушать их в допустимых пределах с определенной целью, и нет тех революционеров, которые с риском для себя стали бы их менять. Римское право возникло почти две тысячи лет назад. За это время мир изменился кардинально, однако основы римского права до сих пор сохраняются. Они претерпели некоторые изменения, но в основе своей остались теми же, что и два тысячелетия назад.

Поддержание постоянства возможно двумя способами. Во-первых, это молчаливое согласие тех, кого этот закон устраивает, а таких в ставшей культуре должно быть большинство. Во-вторых, это страх перед наказанием, что тоже характерно для обывателей данного периода и рационалистов, не готовых пострадать без выгоды.

И. Кант, в свою очередь, связывает «моральный закон» с «безусловным долженствованием», т. е. оно не допускает изменений при любых условиях [4]. Более того, И. Г. Фихте говорит о возможности радостного исполнения требований нормы [5]. В данном случае допустимо даже говорить, что постоянство закона является причиной радости для человека, жаждущего стабильности. Ф. В. Й. Шеллинг утверждает, что вытеснение ненормального в себе через принятие нормы является предназначением человека [6]. Все эти мысли философов как нельзя точно характеризуют норму и ненормальное в период становления культуры.

Следует заметить, что в данный период изменяется и функция нормы и ненормального. Они выполняют функцию организации и сохранения жизни индивида, а не общества, как на предыдущем этапе. Для данного периода характерна в определенном смысле приостановка роста, развития и на первый план выходит необходимость сохранения того, что уже есть. Это не всегда можно рассматривать как негативную тенденцию, поскольку, сохраняя себя, человек не ставит цели уничтожить и кого-либо другого, а значит, возникающие проблемы решаются не с помощью силы, войн и разрушений, а с помощью переговоров и взаимных уступок.

Подобным образом в период Средневековья организовывалась не только жизнь человека в этом мире, но церковь предпринимались попытки организовать жизнь чело-

века и после смерти, которая обеспечивалась принятием и исполнением норм.

В то же время механизм действия нормы и ненормального становится скорее «жестким». Нормы выступают в качестве требований и законов, нарушение которых влечет за собой наказание. От имени общества и с его согласия наказываются те, кто нарушил спокойную жизнь или угрожает своими действиями устоявшемуся порядку. Общество именно навязывает человеку свои требования.

Этот механизм, на наш взгляд, лучше других проанализирован М. Фуко. Автор пишет, что преступник рассматривается как общий враг, преследование которого отвечает общим интересам. Он выпадает из договора, дисквалифицирует себя как гражданина и возникает как дикая часть природы, как бы неся ее в себе; он предстает негодяем, чудовищем, сумасшедшим, возможно — большим и вскоре «ненормальным». Философ утверждает, что именно в этом качестве он подвергнется однажды научной объективации и соответствующему «лечению» [7; 8]. Именно таким, на наш взгляд, оказывается отношение общества к нарушителям норм, именно так общество сохраняет и оберегает сложившиеся нормы и правила.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Таким образом, для периода ставшей культуры актуальны такие характеристики, как первичность, социальность нормы, ее индивидуальность, рациональность и постоянство. Норма в данный период выполняет функцию организации и сохранения жизни индивида через «жесткий» механизм требований, законов и наказаний.

На наш взгляд, для данного периода развития культуры свойственна такая характеристика, как мера, более того, мера является почти показателем данного времени. Это период меры. Всего должно быть в меру, у всего есть мера, вполне определенная. Пресекается все, что выходит за пределы ранее определенной меры. Не желай сверх меры, не думай сверх меры, не делай сверх меры — вот интенции данного времени.

Развитая, рефлексированная мера есть не просто необходимость, а осознанно принятая необходимость. Все чрезмерное, все, что возвышает над нормой, признается ненормальным, пресекается, порицается и уничтожается. Таким образом, сохраняется принятая для всех норма и порождается то, что Г. В. Ф. Гегель называет посредственностью. Возникает некий культурный парадокс: время, которое часто называют культурным расцветом, оказывается временем посредственностей и обывателей. Нельзя сказать, что в культуре не происходит развития, оно, конечно, есть, но в рамках допустимой меры. Нельзя сказать, что не появляется в культуре что-либо новое, конечно, появляется, но в пределах определенной меры. Столько, сколько можно, и в тех случаях, в которых разрешено. Мера, являясь, по Гегелю, внешним способом, в данный период развития культуры оказывается рефлексированной, в-себе-сущей определенностью. Становясь истиной бытия, святой и неприкосновенной.

Однако следует отметить, что проявление безмерного, которое характерно для предыдущего этапа развития культуры, возможно и в этот период, но в определенных усло-

виях и с определенной целью. В период ставшей культуры позволительно преступить меру для личной выгоды, но не для общественного блага. Возможно, даже не преступить, а обойти, так как в первом случае предполагается определенная смелость индивида, готовность чем-либо пожертвовать, что не свойственно людям рассматриваемого периода. Вариант «обойти» представляется более разумным, перспективным и безопасным.

Говоря о мере как характеристике нормы и ненормального в период ставшей культуры, необходимо отметить ее применение ко всем сферам жизни и деятельности человека. Определена мера физического развития человека как некий эталон красоты. На наш взгляд, именно поэтому в греческом искусстве особой популярностью пользовались статуи. Идеальный образ человеческого тела. В интеллектуальном развитии мера проявляется в необходимости быть «как все». Это объясняет появление в IX в. в Европе специальных диагностических средств, позволяющих определить уровень интеллектуального развития, а в Америке понятие «коэффициент интеллекта» остается популярным до сих пор. В поведении человека, как мы уже говорили, мера в норму возводит обывателей, а в сфере духовного — «серость».

Таким образом, мера, являясь качественным и количественным единством, присутствует во всех сферах жизни человека периода ставшей культуры, и их соотношение будет вполне определенным.

Следующей характеристикой нормы и ненормального нам представляется граница, которая приходит на смену безграничному, характерному для предыдущего периода становления культуры. Для рассматриваемого нами периода характерны ограничения, отграничения и разграничения, которые определяют жизнь обывателей данного периода и сохраняют предсказуемость этой жизни.

Поскольку ограниченное является одним из проявлений безграничного и тесно с ним связано, то следует предположить, что ограничения периода ставшей культуры принимались исходя из безграничного предыдущего периода. Взаимосвязь безграничного и ограниченного, которую Гегель понимает как диалектическое движение, состоит в том, что они содержат в себе друг друга. То есть, как это ни парадоксально, время ограничений содержит в себе безграничное предыдущего периода, мы можем видеть некий их синтез [9].

Г. В. Ф. Гегель приходит к идее динамического синтеза, который идет непрерывно и становится условием непрерывности развития всего сущего. Такая система не имеет конца, а это значит, что границы неизбежно должны меняться в любой период. Соглашаясь с автором, мы тем не менее хотим указать на минимальность изменения границ периода ставшей культуры и на их жесткость по сравнению с предыдущим этапом культурогенеза [9].

Таким образом, диалектическая философия Гегеля позволяет нам рассматривать понятия нормы и ненормального в их постоянном изменении, которое происходит непрерывно. Однако применительно к периоду ставшей культуры эти изменения минимальны и незначительны. Характеристиками искомых понятий данного этапа становятся мера

и граница (или ограниченное), в противоположность безмерному и безграничному, которые были актуальны для периода становления культуры.

В позиции Ф. Ницше, который в своей философии критиковал и осуждал тип людей, соответствующий, на наш взгляд, человеку ставшей культуры, первостепенной нам представляется такая характеристика нормы и ненормального, как их внеситуативность, определенность. Данный культурный период является не только периодом ставшей культуры, но и периодом ставших нормы и ненормального. Законы и правила, традиции и порядки могут быть несовершенными, но в данный период важнее становится их наличие и возможность регламентировать ими жизнь, а в некоторых случаях и сохранять ее.

Лояльность к ненормальным и ненормальному представляется нам невозможной. Все проявления ненормального четко определены, жестко пресекаются и наказываются, в отдельных случаях не замечаются. Наказание должно следовать незамедлительно и быть назидательным для других, как созидание молотом Ницше [10, с. 62]. Поскольку норма и ненормальное уже определены и нет необходимости их изменять, основные усилия направляются на сохранение и поддержание стабильности. Поэтому такие явления, как демократия, социализм и феминизм, не являются ценностями для данного периода, как и свобода, с которой человек ставшей культуры либо не знает, что делать, либо использует в корыстных целях. По мнению философа, «чтобы быть созидающим, надо подвергнуться страданиям и многим превращениям», но это совершенно не подходит для человека ставшей культуры [10, с. 61].

Несмотря на призыв Ницше к радикальной переоценке ценностей, в котором он доходит до полного нигилизма, его призыв не будет услышан человеком ставшей культуры, так как стабильность в любом ее варианте он ценит выше возможных изменений к лучшему.

Возможно, проблема рессентимента отражает ситуацию человека ставшей культуры, точнее его слабости. Отсутствие внутренней жизненной силы порождает зависть, ревность, ненависть и желание отомстить. Однако все та же слабость не позволяет реализовать свое недовольство вовне и приводит к аутоагрессии, саморазрушению, искусственным запретам, создаваемым с маской благочестия, и показному аскетизму. Именно поэтому в данный период развития культуры изменение нормы и ненормального либо отсутствует, либо минимально, а их понимание становится внеситуативным, стабильным, определенным [10, с. 62].

Идея сверхчеловека также не характерна для рассматриваемого периода. Сверхчеловек Ницше в этот период в лучшем случае карьерист и бизнесмен, а воля к власти реализуется с выгодой для себя.

Аналогично складывается и позиция философов-экзистенциалистов. Задачу своей философии они видели в помощи человеку, оказавшемуся в кризисной ситуации. По их мнению, эту ситуацию необходимо не только почувствовать, но и попытаться преодолеть. На наш взгляд, в период ставшей культуры среди обывателей, прожигателей жизни и корыстных предпринимателей не так много желающих даже замечать свою потерянность, ненормальность

своего бытия. Человека этого периода можно назвать поверхностным. Это удобная позиция, ведь на поверхности все хорошо, спокойно, сыто, определено. Даже если все это не до конца устраивает человека, все компенсируется относительной стабильностью, уверенностью в том, что завтра будет так же, ведь главное, чтобы не хуже. И свобода такому человеку не нужна, свободному человеку придется самостоятельно принимать решения, заботиться о своем будущем, будущем своих детей и государства, а он к этому не готов, его «лягушачья перспектива» не позволяет ему заглядывать дальше завтрашнего дня.

Становится понятно, почему эта проблема впервые была разработана в трудах немецких экзистенциалистов первой половины XX в. Ситуация, в которой оказалось общество, была пограничной, и от решения людей, их поступков зависела не только их собственная жизнь, но и жизнь всего человечества. Необходимо решать вопрос личных границ, которые могут оказаться отличными от тех, которые приняты в обществе, и ситуация требует их нарушения. Большинство людей ставшей культуры к этому не готовы.

Пограничная ситуация, в которой, по мнению К. Ясперса, человек не может жить без борьбы и страдания, в которой он берет вину на себя, для них невозможна в силу их внутренней слабости, эгоизма и гедонизма [11, с. 213]. Ясперс называет ее нерушимой стеной, и для человека ставшей культуры, в отличие от его предков, представляется нецелесообразным терять время и силы, а возможно, и жизнь на дело, которое не принесет выгоды и славы, но может лишить жизни.

Поэтому в период ставшей культуры в проблеме нормы и ненормального основной характеристикой будет не просто ненарушение установленных границ, а скорее даже их сохранение, пусть даже и ценой неподлинного бытия. Они не хотят знать о неограниченности своих сил и возможностей, о которых говорит Ясперс, поэтому они не позволяют их нарушать ни себе, ни другим. По мнению философа, определенность границ противоречит идее человека, однако они охраняют свои границы, как оковы, свою несвободу — как единственно возможный для них образ жизни, неподлинное бытие, как цель всей их жизни [11, с. 209].

У человека ставшей культуры не возникает беспокойства и тревоги о бытии мира и месте человека в этом мире, о которых пишет экзистенциалист, если, конечно, этот человек не он сам, а бытие не его собственное. Несмотря на то что для данного периода культурогенеза в понимании нормы и ненормального, как мы указывали ранее, свойственна индивидуальность, но эта не та индивидуальность, которую подчеркивает в своих работах Ясперс. Свою личную ситуацию, свои боль и страдание, свое собственное нормальное и ненормальное, о которых пишет экзистенциалист, свою уникальную свободу человек ставшей культуры чувствует только с позиции эгоизма, а не историчности ситуации. Поэтому определение их свободы и границы они с удовольствием доверяют другим людям, это, в свою очередь, позволяет и ответственность за себя и свою жизнь, жизнь своих детей и страны переложить на кого-либо другого.

Ясперс тонко подмечает препятствия, которыми, по его мнению, являются такие ограничения, как догматизм, предрассудки, застывшая мораль и эгоистическая гордыня. На наш взгляд, это не просто препятствия, это скорее характеристики человека ставшей культуры, которые так точно подметил философ. Эти качества, которые характерны для человека данного периода, не позволяют ему осознать ненормальность своего бытия и общества, в котором он живет, осознать неподлинность своего бытия, свою слабость и трусость и выйти на путь экзистенции.

Таким образом, экзистенциализм К. Ясперса позволяет нам в качестве характеристики нормы и ненормального периода ставшей культуры выделить непопозволительность нарушения установленных границ, их сохранение, стабильность и неподлинное бытие.

Заключение (Conclusion)

Подводя итог изложенному выше, отметим, что норма и ненормальное в период ставшей культуры меняются кардинально и радикально. Общество прошло период потрясений, изменений, революций и реформаций и, устав от неопределенности данного периода, стремится к равновесию и спокойствию любой ценой. Среди людей не так много активных деятелей и героев с ярко выраженной социальной позицией. Большинство представлено обывателями и конформистами, либо прожигателями жизни, либо теми, кто совершает поступки для собственного обогащения или славы. Соответствующими характеристиками наполняются норма и ненормальное.

На первый план выводится понятие нормы, оно становится первичным, социальным, поскольку все сферы жизни человека нормируются. Необходимость нормы понимается и принимается большинством. Закончился период творчества, и наступила эпоха традиций, законов, положений и уставов. Норма касается в первую очередь жизни отдельно взятого индивида, а не общества в целом или государства. Норма перестает быть чувственной, т. е. рационализируется и приобретает такую характеристику, как постоянство, стабильность, а ее главной функцией становится организация и сохранение жизни конкретного индивида, а не общества или государства. Отчасти поэтому механизм ее действия становится жестким: нормы приобретают форму требований, которые все неукоснительно должны исполнять.

Норма и ненормальное периода ставшей культуры приобретают характеристики меры и границы. Отсутствует взаимосвязь и взаимоотрицание нормы и ненормального, благодаря чему развитие становится незначительным, поступательным, соответственно, изменения либо отсутствуют, либо становятся настолько незначительными, что их фиксация возможна только в глобальных масштабах.

Кроме того, норма и ненормальное становятся внеситуативными, четко определенными, становится непопозволительным их нарушение, они охраняются даже в случае их несовершенства. Бытие человека в большинстве своем становится неподлинным, характеризуется пассивностью, отсутствием стремления к свободе и сохранением стабильности и спокойствия.

Библиографический список

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб. : Кристалл, 2001. 640 с.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.
3. Гоббс Т. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. 622 с.
4. Кант И. Критика практического разума // Сочинения на немецком и русском языках : в 4 т. М. : Ками, 1997. Т. 3. С. 373–565.
5. Фихте И. Г. О достоинстве человека // Соч. : в 2 т. / сост. и примеч. В. Волжского. СПб. : Мифрил, 1993. Т. 1. С. 430–435.
6. Шеллинг Ф. В. Й. Ранние философские сочинения. СПб. : Алетейя, 2000. 484 с.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс, 1975. 226 с.
8. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб. : Рудомино, 1997. 576 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии : в 3 кн. М. : Парт. изд-во, 1932. Кн. 1. 367 с.
10. Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов / под ред. А. А. Яковлева. М. : Политиздат, 1990. С. 17–93.
11. Ясперс К. Философия : в 3 кн. Кн. 2 : Просветление экзистенции. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2012. 448 с.